

Д А Н И И Л Ч К О Н И Я

МЕДЛЕННЫЕ
ХОЛМЫ

ДАНИИЛ ЧКОНΙΑ

МЕДЛЕННЫЕ ХОЛМЫ

Стихотворения

Дорогой
Геннадий Моисеевич!
Желаю вам доброго
здоровья и новых
замечательных книг!

С любовью
читателя и почитателя —

Москва
Новый Ключ
2002

4.11.05.

Мюнхен.

Даниил
Чкония

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ч 73

**Автор глубоко признателен
давнему другу юности,
Генеральному директору фирмы
«Мультимодал Транспорт Систем»
Дэвиду Борисовичу Губенко,
благодаря которому осуществлено это издание**

**Художник
В.Н. Сергутин**

Чкonia Д.С.

Ч 73 **Медленные холмы. Стихотворения. — М.:
Новый Ключ, 2002. — 175 с.**

ISBN 5-7082-0200-9

«Медленные холмы» — открывают новые циклы поэта, которые внутренне связаны со стихами разных лет из прежних книг.

География жизненного пространства органично вошла в поэзию Даниила Чкonia — в ней Приазовье и Москва, Грузия и Германия.

Свобода поэтического дыхания, естественность интонации, исповедальность, точность звука и жеста — вот главное свойство его лирики.

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 5-7082-0200-9

© Чкonia Д.С. 2002.
© В.Н. Сергутин, иллюстрации,
оформление. 2002

СНЕГ В КЁЛЬНЕ

* * *

О, этот юг!..

Ф. Тютчев

Пускай еще не раз приснится,
Как жарко вспыхивает мгла,
Где, утомившись за день, Ницца
Уснуть ночами не могла.

Где жизнь, подсвеченная резко,
Вступая в сумеречный час
И заманив в отель «Негреско»,
На шалости толкала нас.

Где, за кладбищенской оградой,
Над сонным городом паря,
Свет низвергался водопадом,
О неизбежном говоря.

Где музыка нам помогала,
Прибоем набежав из тьмы,
Где, как любовники Шагала,
Над городом парили мы.

Где нам дано на миг забыться,
Где, словно не уйдя на слом,
Жизнь, как подстреленная птица,
Задела нас своим крылом.

* * *

Посмотришь на небо: до самого края,
Над облаком смутным, везде,
Нахлынувший август считает, сгорая,
По каждой падучей звезде.

По каждой летучей — мы оба, мы оба —
Считаем. Спадает жара.
И с клятвы, которой клянутся до гроба,
Спадает навек кожура.

И в небе, пьянящем последним винищем,
Горит звездолет-звездопад,
Чтоб мы на пиру этом, жадном и нищем,
Могли обернуться назад.

МОТИВ ШАГАЛА*Сергею Бирюкову*

Любовники долго
врастают друг в друга.
И вдруг друг из друга
произрастают они.
Смотри, в очертаньях невидимых
синего круга
зеленым посыпаны эти лиловые дни.

Как туго изогнут стремительный лук
бирюзового луга!
Упруго любить. Нежно любить. Больно лю-
бить телом об тело,
когда тополиная выюга
вьется над городом-полем в сонливом хмелю.

Легко оторваться
от быта болтливой слободки —
истица-виновница,
истины блудная речь,
беги местечково-тоскливой
вседневной селедки!
Вседневной печалью —
со вздохом —
спеши пренебречь!

Заброшенный Витебск
вспорхнет из-под синего плуга...
И вспыхнут птенцами,
синея под небом, огни...
Любовники пламени
плавно растут друг из друга!
И нежно друг в друга
навек врастают они.

1999

АВГУСТ

1

Тормознул, прижался к бровке, приоткрыл капот, ворча:
Вот принудит к остановке зажигания свеча!

Вспыхнула звезда-шутиха, словно целясь в грудь холма.
Август. Полночь. Тихо-тихо. А в долине спят дома.

Но – как будто отголоски приглушенные речей –
Где-то рядом в камень плоский ударяется ручей.

И неведомая сила ниоткуда снизошла,
Вдруг волною накатила – память за руку взяла.

Жжет-сочится, словно ранка: полночь, детство, дальний год.

За руку от полустанка бабушка меня ведет.

Ухнул электрички филин, набухает тишина.
Среди зарослей-извилин мне тропинка не видна.

Спотыкаюсь. Но, ведомый крепкой старческой рукой,
В мир вступаю незнакомый я, трусишка городской.

И все те же отголоски нерасслышанных речей...
Просто – рядом в камень плоский ударяется ручей.

Не ручей – в теснине речка. И знакома, и мила...
Так от страха человечка излечила Дзирула.

И легко мне быть собою: ни тревоги, ни беды,
Если слышу шум прибоя, пережат речной воды.

Даже стон дождя и ветра говорит всегда о том,
Что на тыщи километров подо мной — земля, мой дом.

Слаще жизнь текла и горше... Потекла за перевал...
Пролетевший мимо «порше» резким светом ночь взорвал.

Тишину взорвал тугую, озарив в руке свечу..
Что свеча! Вверну другую — вслед за «порше» полечу.

2

Хорошо на ровном месте,
Где струится автобан,
Выжать чуточку за «двести»,
Потому что воздух пьян.

Но уже под Вупперталем,
Где сдвигаются холмы,
Над холмами пролетая,
Прыть свою умерим мы.

Получи, скакун мой, роздых!
Все равно я пью до дна
Веселящий этот воздух,
Над которым спит луна.

Вон блестит она, как плаха,
И струит свой мерный ток...
Холодок ночного страха,
Как бесстрашия глоток.

Рассекая полночь светом,
За верстою гнать версту.
Мчаться демоном отпетым
В вечность, в бездну, в пустоту.

1 МАРТА 1999

И когда в эту ночь крутило на автобане —
обкурившейся девкой сбитого влет —
меня,
жизнь промчалась сквозь миг,
сознание мое туманя,
яркой вспышкой последней надежды
глоток храня.

И когда я цеплялся,
за жизнь цеплялся,
цеплялся
и последним усилием себе прохрипел я:
жить! —
нерасцепленным пальцам,
моим нерасцепленным пальцам
удалось удержать эту тонкую-тонкую нить.

И когда,
выбираясь из бесформенной кучи металла,
понял я, что судьбу свою,
жизнь свою снова влачу,
и когда я подумал — спокойно и чуть устало, —
что во храме воскресном поставлю Ему свечу,
и когда я поверил в земное свое спасенье,
удивился тому, что хватило держаться сил,
осенило меня:
этой первою ночью весенней
я —
наверно —
любимую женщину недолюбил!

* * *

Рановато для бабьего лета
В сентябре разыгралась жара.
Видно, песенка наша не спета,
Как нам это казалось вчера.

На рассвете туманно-бездонном
Спор нахальных ворон у окна.
Почему наша нежность бездомна?
И разлук не боится она.

Так скажи, что пора нам, пора нам
Разлететься за окном...
Я удачи считаю по ранам,
По зазубринам в сердце моем.

СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ВСЛУХ

Боже мой, какое множество слов!..
Слова, названия, времена...
Человеческие имена...
Или, вот, например,
народы:
ар-амейцы,
ар-абы,
ар-мяне,
или римляне,
или готы,
или, скажем грузины,
греки...
Стоит только звук поменять:
руки, раки, рыки, реки...
жить, жуть, жать...
Банкир – барин – бандит – барбос,
а Карабас-Барабас не барбарисом оброс.
Куртизанка,
кокотка,
короче: блин.
Тоска, стон, нудьга, сплин.
А зато как музыкально звучит:
ма-асквичи!
Не слабо:
парижане,
или хотя бы:

пражане...
Кёльнцы? Лейпцигцы?
Пожалуй, приятнее: киевляне.
А как сказать:
ню-йоркец? ню-йоркерец? ню-йоркча-
нин?
Фу! А ведь какой город!
Впрочем, вслушайтесь:
Ам-стер-дам! Ан-ди-жан! Ма-га-дан!
А можно просто:
Осло.
А есть такие слова —
словно колокола,
например: го-ло-ва
(но не «голова колгоспної ради»),
недописанная глава,
новгородских церквей главы...
Или лучше все-таки: купола?
Или — луковки, маковки...
Ах, слова!
Группы слов, сочетания...
Слава Богу, что не — отряды.
Ёлки-палки! — воскликнете вы.
Ёкалэмэнэ! — возмущается дядя Петя, —
что творится на белом свете,
нужно выставить раму!
А ведь:
раму мыла мама.
Ма-ма...
Па-па...
Я...

Это значит: семья...

А потом произносится:

родина...

Сколько их у меня?

Даниил Чкония.

Родился в Порт-Артуре (бывш. СССР, ныне – территория КНР), школьные годы провел в Мариуполе (бывш. СССР, ныне – территория Украины), некоторое время жил и работал в Тбилиси (бывш. СССР, ныне – территория Грузии), долго жил и работал в Москве (бывш. СССР, ныне – столица России), с некоторых пор проживает в Кёльне (бывш. римская провинция, бывш. вольный ганзейский город)...

Человек, как народ:

разорван, распорот...

Не биография, а уродина.

Вот тебе, братец, и родина.

Один грузин сказал:

у тебя отец – еврей, значит – еврей.

Ребе сказал:

у тебя мать – грузинка, значит – не еврей.

Bist du Russe? – вычисляет меня Клаус в ближней кнайпе.

Кто я?

Винавар ме?

Тобто, хто я?

Wer bin ich?

А как по-китайски, не знаю...

Только помню –

на радость тем, кого это злит, —
я — космополит!
Вот еще одно слово:
космос — это основа,
а чем «полит»?
У кого что болит...
Вон Черномырдин — ражий,
а Чубайс — рыжий,
а кто краше? —
у всех едут крыши.
Слово к слову,
как день ко дню,
словарь раскрою
и погоню:
Армия, барин, волк, дура, ересь, жопа,
зануда, икра, каша, лажа, морда, обнова,
падаль, радио, стерва, тухлятина, ухо,
фартук, хутор, цапля, чесотка, шутка, щека,
ыыы,
эхо,
юродивый, я...
То-то кругом идет голова,
ох, непросто выбирать слова!
Может, вместе попробуем вновь?
Вера...
Надежда...
Любовь...

* * *

В Кёльне снег. Он осел на деревьях.
Он еще на дорогах – живой.
Что мне вспомнить о давних поверьях?
Чем разгневан порыв ветровой?

Рейн, грозясь опрокинуть пределы
Берегов, ударяется в створ.
И за снежной завесой белой
Темный призрак мерцает – Собор.

Фонарей растворяются свечи,
Голоса долетают из тьмы.
Я тебе ничего не отвечу
Посреди непривычной зимы.

* * *

Зима отошла, отдымилась...
Упрямей упрямых ослов,
Я все-таки сдался на милость
Тобой недосказанных слов.

Сжимаясь от мысли неточной,
Колотится сердце в груди...
Опять на трубе водосточной
Сонату играют дожди.

Мои оправдания жалки
И хитрости нехороши,
Когда я тоскую на свалке
Чуть-чуть подуставшей души.

* * *

Ах, этот отблеск полужизни алый,
Где мы идем по стершимся следам,
Где свет стекает в темные каналы
И где царит полночный Амстердам.

Где этот тошнотворно-сладкий запах
Пугает и манит к себе ханжей,
Где страсть, как мрачный зверь на жирных лапах,
Уводит переулками мужей.

Здесь нет любви, но есть подобье в оном,
Которым не насытится любовь.
Как снадобье в блуждании бессонном
Оно тревожит и волнует кровь.

Здесь привкус нескончаемой охоты —
Лови мгновенье ложное, лови!..
Но девочка, идущая с работы,
Быть может, тоже ждет своей любви.

Влекомая тоской самообмана,
Что ты отыщешь в дышащей гурьбе...
Готов платить из своего кармана
И нежностью приплачивать тебе.

* * *

Упаду в тебя, как в злую воду, —
Ты сомкнись волною надо мной
И мою дурацкую свободу
Преврати в холодный, гневный зной.

Преврати в невидимое пламя,
Или в сноп трескучего огня.
Все, что не случилось между нами,
Вспомни, если помнишь не меня.

Посмотри ни ласково, ни строго,
Осторожно, вскользь, из-за плеча...
Я тебя сломаю, недотрога,
Чтоб нежна была и горяча.

* * *

С чего-то Рейн с Москвой-рекою спутал,
То Мтквари вспомнил, то Оку, Неву...
То тянется пустое время суток,
То, торопясь, в беспамятстве живу.

А дни еще становятся короче,
И глуше гул буксиров вдалеке,
И вот, бредя по набережной к ночи,
Поймешь не сразу – на какой реке

Встревоженные чайки закричали
И забурлила зимняя вода.
Привычный ритм разлуки и печали
Сопровождает эти холода.

MENTEL – PARK

Джеральду Янечку

Старая могучая сосна,
И на ветке белка — у окна.

Двор в снегу. Деревья и дома.
Это кентуккийская зима.

Над трубою сизо-белый дым.
Словно над отечеством моим.

Может, оттого мне и тепло,
Что с востока солнышко пришло?..

*Лексингтон
Декабрь 1989*

AUSTIN CITY SALOON

Так про что мы, ребята, сегодня поем?
Поколение, лишенное танца вдвоем,
поколение, лишенное нежного трепета,
все ли нынче пропето и все ли пропито?
В роковой каракатице резкого рока —
инфантилы, стареющие до срока,
поколение, тоскующее без тоски,
поколение, кейфующее без кейфа,
заглотившее одури дымного шлейфа
над сознанием, разобранным на клочки...

Но — как будто отступает наваждение —
даже воздух вдруг становится упруг:
Терри празднует веселый день рождения
с легкой стайкою щебечущих подруг.

Терри, девочка, должна ты быть счастливой,
а иначе обольется мир стыдом...

Как милы вы, деревенские мотивы, —
то ли кантри, то ли пляска под Орлом.

Я не знаю, этот бар какого сорта?
Я случайный гость затейливых ночей...
Над холмами праздничного торта
задувает Терри столбики свечей.

ЗЕЛЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА
огорожены тоненькими стрелками
изгородей

на пустынных холмах
белые дома
из романов XIX века

а под навесами —
понтиаки шевроле доджи
бьюики ягуары

табунчики тонконогих скакунов
у облетающей рощи

ноябрь
кентуккийские фермы

приснился мне чудный сон

НА МОТИВ АЛЛЕНА ТЕЙТА

«Кентуккских вод прохлада ключевая!»
Я эту строчку вспомнил: через мост
Неслась «тойота», тихо подвывая,
И ночь была пустынна, как погост.

Река по обе стороны мелькнула,
Струясь в тисках скалистых берегов,
Моя душа, уставшая от гула,
Впитала запах стынущих лугов.

В ночной «тойоте» мы летим по свету
Пронзающим Вселенную лучом.
А друг мой знал, когда пустить кассету, —
И я услышал: плачет Башлачев.

Мир так спрессован, что, по крайней мере,
Пространство — в точке — вмиг — пересеклось.
Притормози, хоть на мгновенье, Джерри,
Я ощутить готов земную ось.

Она в любом из нас звучит, живая,
И мы ее покамест не сожгли...
Кентуккских вод прохлада ключевая!
И ночь. И Башлачев. Вблизи. Вдали...

НЬЮ-ЙОРК В РИТМЕ ДЖАЗА

Ритм начинается
с перестука вагонов подземки -
белые, желтые, черные -
пассажиры в аквариумах огня, -
когда мы влетаем на эстакаду
и город выпучивает зенки,
и грязный выход на 42-ю
изумляет: «Ну и фигня!»
Потом вступают дружно
горы стекла, бетона, металла,
которым подыгрывают, подмигивают
километры поющих реклам
и реки огней, текущих
так яростно и устало
из downtown в uptown,
сплетаясь в рев, гул, вой, гам!
Улицы – на запад.
Улицы – на восток.
Свет, шум, запах.
Оторопь, ужас, восторг.
Перекрестков график.
Небоскребов рой.
Набухает траффик
Бензиновой горой.
Ритм начинается,

когда ты идешь по тротуару, когда вослед тебе
выплескивается ветер, забежавший за тобой в магазин,
ты, с шоколадной кожей, с шоколадной, недоступной
никакому загару, в белой шубке, на которую сброшены

смолистые волосы, когда ждет тебя длинный, как дирижабль, белый лимузин, в который прячут тебя, как дорогую сигару, в дюралевою трубку, а ветер, который уже весь Манхэттен просквозил, напоследок бросается в ноги тебе (о, как он воет, срываясь по всей авеню, словно в аэродинамической трубе!) – обалдели прохожие, ослепли окна гигантских коробок, красным поперхнулся вдруг светофор и застыли автомобили, – Господи! – застит мне дымом взор, – до чего же я робок! – присутствуем при рождение пробок, которые не рассосутся к грядущему дню, – ветер, ветер, ветер гуляет по авеню, – ишь, говорит, какая ты ладная, жарко-прохладная, вкусная, безыскусная, шоколадная, сладкая, жадная, просто, ад для меня, погибель отрадная! – эй, кэбмен, – кричу, – заплачу! – я ее вместе с улицей этой хочу! – только гарь ударила в ноздри смрадная, и исчезла ракета с тобой подобно лучу...

Рев, стук, гром, вой.

Огонь – под ногами,

огонь – над головой.

Ритм начинается

с джаза вечерних улиц, с импровизации солирующих выхлопных труб, когда идешь, сначала от страха сутулясь, потом, распрямившись, лицо запрокинешь к дыханью горячих губ звездного неба, падающего в колодцы безумного города, который пугает, отчуждает, согревает, манит!

Ритм начинается

как птичий клекот у горла...

Ритм начинается...

Ритм...

Р-и-и-и-т-м...

ФАЭТОНЩИК - МЕКСИКАНЕЦ

Прижался сумрак к солнечному дню,
И ухмыльнулся день, и не озлился...
Прощальный круг — по Пятой авеню,
По Мэдисон — закрылся, закруглился.
Нахрапист парень, будто репортер...
Отстань, приятель, обойдусь без девки!
Твой гонорар — мой небольшой разор,
Наш треп с тобой — досужие безделки.
Мне, кореш, не принять твоей тоски:
Бурчишь, то заводясь, то затихая...
Сыпь лучше в мексиканские пески!
Страну, где есть приют, не стоит хаять.
Но впрочем, чико, разбирайся сам,
Вон с бабой «кошелек», давай приметь его...
А я наутро — в «ИЛ» и к небесам,
Пока нас принимают в Шереметьево.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Здравствуй, птица! Я тебя узнал.
Посиди на веточке немножко.
Красный кентуккийский кардинал
Нынче заглянул в мое окошко.

Ты дрожишь, как жилка на виске,
Вновь объят теплом и грустью вечер.
Говори на птичьем языке,
Ты меня поймешь, когда отвечу.

**РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ
(1992)***Роджеру Андерсону*

Такого ветра я не помню сроду —
Когда деревья выгнулись дугой.
В Кентукки ни к чему ругать погоду,
Ведь проще переждать часок-другой.

Игра осколков, словно блеск колодца,
И в окна хлещет черный водопад.
Поскрипывает дом, но не сдается,
Как, может, и столетие назад...

Не объяснить совковому Ликургу,
Что он со здравым смыслом не знаком...
Я помню, как с дороги к Харродсбургу
Мы дружно убирали бурелом.

Кто вылез из недорогих «японок»,
Кто вышел из шикарных «шевроле» —
И был немногословен и нетонк
Наш разговор в кромешной этой мгле.

Друг с другом перемигивались фары,
Спешил на помощь кто-то, тормозя.
И незнакомцы становились в пары —
Ведь одному стволы тащить нельзя.

Пусть мудрости моей цена — полцента,
Но лучшей не придумано еще:
В Америке не слушают акцента
Под ношу подставляющих плечо.

Пусть ливень с ветром гнут деревьям спины,
Но видел с неба месяц-ротозей,
Как русской водкой и огнем камина
Согрелся я на ферме у друзей.

* * *

Мурату Тайшибаеву

Перепуталось все на свете,
И погода сошла с ума.
На Вирджинию хлынул ветер,
А у нас в Кентукки зима.

Этот ветер зашелся в плаче
Так, что слышать его невмочь.
Прорываясь сквозь Аппалачи,
Разгоняем фарами ночь.

Что нам яростное злорадство,
Если светит из темноты
Кентуккийское наше братство
От Москвы до Алма-Аты.

Сам не знаю, но почему-то
Наши споры — пускай, смешны! —
Отдают домашним уютом
На просторах этой страны.

Ну, а ветер, не знавший меры,
Вдруг потянется к детским снам
И уйдет в Шенандоа пещеры,
Уступая дорогу нам.

* * *

Ибо тебя Я увидел праведным предо Мною...

Ну что же ты, праведник, — выжил, как будто усоп!
Что эта вершина, вдруг ставшая холмиком узким?
Всю жизнь твою смыл этот страшный всемирный потоп.
Обидчиков смыл и друзей твоих, дальних и близких.

И это награда? Кукуй же в своей правоте!
Мычи со скотом своим, с птицей домашней кудахтай...
Сынам твоим тесно в ковчежьей твоей тесноте,
И тесно их женам, несущим унылую вахту.

И голубь летит, постигая небес пустоту,
Чтоб завтра осесть на подсохнувших скалах и глинах...
Кому же ты, праведник, кажешь свою правоту?
Неправедным душам, затопленным в темных долинах?

* * *

Ольге Бешенковской

Каждой твари в ковчеге по паре...
Ну, и где же растёт виноград?
Где среди помраченья и хмари
Воссиял золотой Арарат?

Кто летел, кто перроном протопал...
Но успели пожитки собрать.
Перед тем, невсемирным, потопом
Снова двинулась Ноева рать.

Невзирая на эту погоду,
Голубь-вестник нашёл, где присесть...
Эвон, сколько в ковчеге народу!
Ну, и твари, конечно же, есть.

1998

* * *

Что за повадка лисья!
Вкрадчива и тиха...
Сбились сухие листья
В рыжие вороха.

Сами сгнить не успели?
Вовремя не сожгли?...
Вон, их злые метели
Снежные замели.

Ветром злым выметает
С улиц и площадей.
Их, бедолаг, мотает
По миру, как людей.

* * *

Баржа, куда-то в никуда...
Хоть светлый день, хоть ночь,
А в Рейне темная вода —
Глядеть и то невмочь.

Но что-то сменится в душе,
И новый поворот
Не так заговорит уже
У рейнских светлых вод.

И шепоток на берегу
Сгрудившихся берез
Тогда слышать я смогу,
Не сдерживая слез.

* * *

В Тбилиси, в Мариуполе, Москве,
В Париже, Ницце, Кёльне, в Амстердаме
Одной внимаю трепетной молве,
Творю молитву о Прекрасной Даме.
Одним дыханьем продолжаю жить,
И в Брюгге вновь готов, не зная страха,
Срываться с колокольни и кружить,
И песню лебединую сложить,
Взлетев со звонарями Роденбаха.
Бродвей в ночи сияет и горит,
Гран-Пляс звучит в молчании нетленном...
Пушай Магрит со мной поговорит!
Пушай Рембо останется с Верленом!
Пушай венецианская вода
Огнем закатным медленно алеет,
Шварцвальдский лес темнеет, но всегда
Любая песнь — о ней, о Лорелее!
А дни идут, идут, идут, идут,
перетекая в месяцы и годы, в столетия сгущает время
их, в которых нет ни времени, ни места для нежного
рукопожатья, для
трепетного взгляда, для волнения, сомнения
мучительного, для...
Не все ль равно, чем объясняем мы усталость, тупость
повседневной гонки, пустую озабоченность о том, что
принято
воспринимать насущным?!. В конце концов, а что она
сказала?

Что ты ответил? Или даже молча вы разошлись, задев друг друга взглядом... Не все ль равно, коль тут же и забылось... Вот смерть души — ее ненапряженье, нетруд ее, немук, нестраданье... И ты мне говоришь, что — крепок, молод, бодр, что бизнес спорится, и мир — почти у ног!..

Ненужное сочувствие мое тебя не может задевать и мучить, поскольку ты не знаешь, что несчастен и жалок... Потому что дни идут, идут, идут, идут, перетекая...

Со мной на ты сегодня дальний лес,
Доверчив нынче ближний перелесок,
Морозный день котенком к сердцу влез
И греется у сердца, как довесок
К сиянию безоблачных небес.
Со мной на ты далекие дома,
Заметные едва во чистом поле.
Ну, вот и день, когда ты полон воли,
Покоя... Но сводящее с ума
Беззвучное пространство мировое
Напоминает тотчас: свет, где — тьма...
Пока широким жестом укажу
На пару расходящихся паромов,
Пока своим туристам расскажу
Об Амстердаме старом или новом,
Перед глазами памяти — на слом
Живых времен и суетного действия —
Вздыхает перегруженный паром,
Существованье возвращая в детство.
В жизнь возвращая, где еще туман —
Не паморок, но обещанье света,
И где Миусский зыбится лиман,
Чуть увлажняя вспыхнувшее лето.

Полуторки вскипающий мотор,
Чихая и чадя, пыхтит на славу —
Успеть прорваться сквозь телег затор,
Не прозевать дневную переправу.

Не прозевать. Успеть. А цели нет.
Верней сказать, что эта цель наивна...
Когда и кем тебе завещан свет
Того, что представлялось неизбывным?

Очнись, очнись. И погляди вокруг:
Другие ветры долгий день полощат.
Из переулка ты выходишь вдруг
На площадь. Узнаешь ты эту площадь?

Над площадью, где не сыскать угла, —
Оскал округлый холода и страха —
На звоннице гудят колокола.
Но в переулки звук летит, как птаха,
Отставшая от стаи и крыла
Топырящая... Из пустого мрака
Предместий напозла густая мгла.
С чего ж пятно луны стоит, как плаха,
Небрежной струйкой шелестит фонтан?
С чего сыреет потная рубаха
И площадь напряглась, как вражий стан?

На площади, где умирает звон,
Где глохнет гул отхлопотавшей меди,
Отыгранны отрывки интермедий
И стынет жизнь, тоскливая, как сон.
На площади такая тишина,
Что вспыхивает сердце, кровь сжижая...
Но жизнь чужая, как и смерть чужая,
На площади пустынной не страшна.

* * *

Ветер шалый, ветер грубый
Что-то нудное поет.
Я губами тронул губы —
Пью дыхание твое.

Удивить тебя мне нечем.
Лишь собачье-человечьим
Взглядом нежность отдаю,
Чтоб продлить счастливый вечер.
И немного — жизнь мою.

БРЕЙГЕЛЬ. ИКАР

Вот же оно! Пронеслось! Пронзая свет, пролетело!..
Слышишь, всплеснуло? Вздогнуло, что-то такое для...
Что это было? Беспомощно слабое тело?
Плоть уязвимая, видимая с корабля?

Вижу: в безоблачном небе зияют пустоты.
Слышу: в полуденном зное звенит тишина.
Соты, таящие воск! Золотые и нежные соты!
Вязкая сладость, тягучая сладость уже не нужна.

Липкие перья, как брызги блеснут, облетая...
Эй, оглянись, мертвецом ухвативший уду!
Эй, оторвись, полукружъя под плугом считая,
Потом своим засевающий борозду!

Ты, овцепас! Не дозваться, не докричатся...
Что же он видит, со скукой вперяясь туда,
Где облака неуверенной стайкой промчатся
Или, курчавясь, как овцы собьются в стада?

Что им! И пусть их! Я сам, рассуждающий плоско,
Или пашу, и уныло пасу, и ужу..
Не наскрести мне ни меда, ни вязкого воска...
Вот и летаю — во сне. И, очнувшись, — сижу.

* * *

Омерзительна тоска! Вот берет за горло туго,
Что костлявая рука безысходного недуга.

Желто-жирная луна нагло в комнату вползает
И глядит, не зная сна, воспаленными глазами.

Оттого и пышет смрад, оттого бездвижен воздух,
Что бессмысленно глядят, ничего не знача, звезды.

* * *

Так вот оно, дыхание угара!
Азарта несжигаемая желчь! —
На вороватый подвиг в Монте-Карло
Копейки эмигрантские прожечь...

Вот где она понадобилась, ксива
Багряно-постсоветская твоя...
Как эта жизнь обманчиво красива!
Как манит, свои бездны затая!

На праздник занесенным в одночасье,
Толкущимся в глазающей толпе,
Сомнительное сумрачное счастье
Не нам с тобою раздает крупье.

Фортуна льнет к рискующим! В разгаре
Игра! Все остальное — сущий вздор!
И в этих огнедышащих «феррари»
Не наше сердце — пламенный мотор.

Ни с блеском, ни с сиянием не спорю,
Благословен недолгой грезы час...
Но лучше мы уйдем к ночному морю —
Оно, не выбирая, любит нас!

РОМАНС

Август спит, от жары изнемогший.
Ни движенья на глади пруда.
По футболке, от пота промокшей,
Щекотливо струится вода.
Вот они, осторожные знаки:
Словно взгляд из-под темных бровей —
Желтый лист притаился во мраке
Изумруда нависших ветвей.
Приложи мне ладонь к изголовью,
Поколдуй, наклонясь надо мной...
Я спасаюсь последней любовью
От усталости долгой земной.

* * *

Как всегда, в который раз опаздывая,
Хоть бери прохожих на таран,
За мелькнувшей темно-синей «Маздой»
Выскочить хотел на автобан.
Но махнула в левый ряд листочком,
Словно ветер юный подхватил...
Головой качаю: дочка, дочка!
Впрочем, сам такой езде учил.

Кажется, я рта не разеваю,
Не зевая, лезу в левый ряд...
Только за детьми не поспеваю —
Ноги — что! Не поспекает взгляд!
Спору с сыном и толкую сыну,
Дескать, наконец-то мысль поймал!
Усмехнулся сын и кажет спину:
«Это Шопенгауэр сказал!»

Движемся, а все-таки — куда нам!
Мы уже — подсобная деталь.
Мы с тобою — по соседним странам,
А они другую ищут даль.
Только успевай глядеть на карте!
Вот мы и растерянно глядим:
Только что — Тунис, уже — на Мальте!
Где Майорка, где Иерусалим!

Все, что мы проспали, наверстают
И уже без нас проложат путь...
Распахни ладонь: птенцы взлетают!
Только к небу их подкинь чуть-чуть!

* * *

Мир весенний льдом не скован,
свет — от лысин и седин:
мы с Серегой Кузьменковым
по литровке усидим.

Разведем базар нестрого
про туды и про сюды...
Я хочу, чтоб ты, Серега,
никакой не знал беды.

Да и мне совсем неплохо
никакой беды не знать...
Вот кончается эпоха —
ну и пусть, едрена мать!

Мы еще на белом свете
не догуливаем срок,
в новое тысячелетье
перетянем свой возок.

Грошей нету? Будут гроши —
не пропить и не проесть...
Хорошо, что друг хороший
у меня в соседстве есть.

Будет в праздничек сациви,
иль — у моря — буйабез...
Лишь бы мы с тобою вживе —
оба-вместе, а не — без...

Нас эпоха обкусала —
знали радость и беду..
Наливай! Шматочек сала —
и грузину, и жиду,

и хохлу — под огуречик —
проканиает, хоть бы хны!..
За окошком — птичьи речи,
говор мартовской весны.

Глотки — дал Господь! — лужёны
тихой ночи вопреки..
Пусть подначивают жены:
перебрали, дураки!

Попрошу Серегу спеть я,
ничего, что поздний час, —
третье тысячелетье
не проскочит мимо нас!

Спой, Серега, о неспетом,
о несказанном пока..
В беспокойном мире этом
есть надежная рука.

Тост — за дружбу, коей — слава!
Ничего, что речь пьяна..
Вон и старая шалава
в гости просится — луна.

Не пугайся, мол, некстати,
мол, от шума не усну..
Я, Серега, не лунатик
и не вою на луну,

с соображалкою не туго
и не давит хмель виски...
У других такого друга
нет. И воют пусть с тоски.

* * *

Мелкий дождь, стекающий за ворот,
Раздражает, нервы всполоша.
Это снова падает на город
Осени ненастная душа.

Листья шелестят благоговейно
И шуршат у времени в горсти.
И волна недремлющего Рейна
Норовит их дальше унести.

Чайки то пикируют на сушу,
То опять срываются к воде...
Где тебе согреет осень душу,
В сумерки упавшую? Нигде.

Ничему не придавать значенья,
А еще вернее – помолчать.
И реки стремительной теченья,
Как теченья лет, не замечать.

* * *

Слякоть осенняя слякотью и обернулась.
Жаль, а когда-то была и она хороша.
Помнишь, душа, как грустила весенняя юность?
Помнишь, душа?

Может быть, снова тебя поманить на свиданье?
Вспомни – куда,
даже если и память не та...

Ветер осенний то гаснет, как гаснет сознание,
То, разъярясь, завывает.

А жизнь прожита.

* * *

Взгляни в окно устало, когда наступит слом:
Во тьме летят составы за дальним за холмом.

А там холмы другие пронизывает свет —
Там горькой ностальгии уже на свете нет.

На что ж тебе пустая ухмылочка вранья?
Так воровата стая тупого воронья.

Она слетает к зверю, ползущему во тьму...
Ты думаешь, я верю молчанью твоему?

Мне и того не мало, что, не сдержав огня,
Сдавлась и ласкала упрямого меня.

Но стая воровата, сужаются круги...
Я заклинал когда-то: Не лги! Не лги! Не лги!

Как отзвучало имя, так пронесется год.
Ну, что ж, лети с другими в осенний перелет.

Я заглянул в осинник. А после — в березняк.
Какой весенней синью по мне прошел сквозняк!

Где — утренние росы, вечерний шепоток,
Где в мир светловолосый струится дней поток!

* * *

Смеясь, на опустевший пьедестал
Вскарабкался малыш... И то – не пусто.
Народ свергать кумиров подустал
И нового не слышит златоуста.

Талдычит про державный дух и честь
Один. Другой – про рынок, путь к прогрессу...
Народ, похоже, снова хочет есть
И своего не видит «интересу».

На сиротливой клумбе – первый снег.
Пацан сигаает на него со смехом.
Резвись, мальчишка! Лишь бы этот смех
Не отозвался нам печальным эхом.

Мы не умнеем. Да и не растем.
И вечный спор уже не так клокочет.
Хоть этим, хоть каким иным путем,
Россия никуда идти не хочет.

Россия хочет пить и воровать.
На то и вся желанная свобода.
И хватит бесконечно завывать
Про горестный и тяжкий путь народа.

А он такой, какой он был и есть.
Люби или хули ее, Россию,
Но мат звучит ей как благая весть,
Убийцу принимает за Мессию.

А, может быть, я слишком желчным стал?
Или устал от вечного витийства?
В стране ворюги нынче правят бал.
Но ведь они милей, чем кровопийцы.

И, может быть, и правда, ей тесна
Понятная другим система стяжек?..
Когда Россия вспрянет ото сна...
Когда... Россия... Сон глубок и тяжек.

* * *

Я вернулся в ^{мой} свой город — и дальше по тексту любому,
Где дорога туда и дорога обратная к дому.

Над знакомой рекой, на холме, на любом возвышеньё
Я стою в размышленьё, у которого нету решенья.

И какая-то связь возникает, небольшое знача,
Если жизнь задалась как, скорее сказать, незадача.

Я вернулся в ^{мой} свой город, но где этот город искомый?
Я вернулся другим, или город другой, незнакомый?

Январь 2002

В ГОСТЯХ

1. Город

Что за праздник без нас происходит?
А зато не зовут под топор,
И весна все равно колобродит,
И картавый заходится хор.

Имена и названья, детали,
Отголоски, мельканье примет.
Старый дурень на книжном развале
Ищет время, которого нет.

Старый пес по бездарной отлучке,
Подвывающий из-за бугра,
Не допер, что скопытились сучки
И настала другая пора.

По проспектам лужковской малины
Золотые витрины горят
И летят, как шмели, лимузины
Там, где девки построились в ряд.

А задворки по-прежнему жутки,
Серым ветром засерен проем...
Мы живем, господа, в промежутке.
Шибко весело стариться в ём.

2. Деревня

Из европ, так сказать, на побывку.
Доставай из чулана уду!
Кто куда, ну а гость — на помывку
В комарином зудливом пруду.

Вот те на! — наворочали блоки,
Горы гравия понавезли.
Водяные кусачие блохи
С перепугу — куда? — уползли.

Ладно, свистни соседской молодке!
Ваську-конюха — тоже сюда!
Выставляю дерьмо против водки —
Шнапсом звали в иные года.

В городах затерялась соседка,
Вертит, ясно, теперь не хвостом.
Васька-конюх, спиртованный дедка,
Видит сны под дощатым крестом.
На коровниках тихо и пусто.
Тявкнул Шарик, живуч, хоть и хром.
Там, где зимняя зрела капуста,
Понаставили дивных хором.

— Енто пришлые лепят заборы,
На все стороны лепят, на все.
А что пруд, так идут разговоры,
Мол, шасе проведут до шасе.
Церкву ладят, и жизнь загрохочет —
Не чета стародавней поре...

Ишь, подпрыгнул и цыркает кочет
На утят в захиревшем дворе.

Ути-пути, – зову, – ути-пути!
Нет вам больше свободной воды.
Что стоять, мелкота, на распутье!
Где пути, чтоб не ведать беды?

А в газете – хитрющая рожа:
Мелковат, хоть пружиниста стать.
От еще инператор-надёжа!
То ли вор, как всегда, то ли тать...

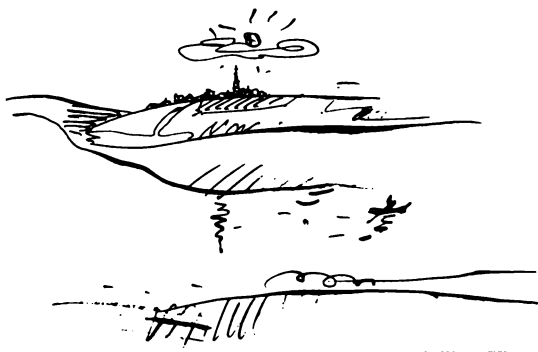
* * *

Я согласен назвать ностальгией
Бесконечно тягучие сны.
Вижу лица, но лица – другие.
И другие приметы весны.

Подступающий миг пробужденья
Не пугает реальностью дня.
Вот бы новую дату рожденья,
Раз уж адрес иной у меня!

Но, посмертные слепки снимая,
Счет ушедшим мгновеньям веду.
Я сегодня, что лошадь хромая,
Сбился с шага и сплю на ходу.

Не задворки, зады, перекопы,
Не обмылки в гремящих тазах...
Я стою посредине Европы
С азиатской тоскою в глазах.

О Т О Б О Я Н И Д О Ч Е Р Н И

* * *

От Обояни до Черни
Медленно тает вечерний
Свет. И мерцает звезда.
От Обояни до Черни —
Русские города.

Отблеск сыновний, дочерний —
От Обояни до Черни —
Медленные холмы,
Реки да тихие нивы,
Свист соловьиный счастливый,
Медленные дымы.

* * *

Роберту Винонену

Хранятся в памяти моей
Напластования минувших
И канувших в былое дней,
Словно мерцание огней
Вдали, над городом уснувших.

Воспоминания, светите!
Я очинил карандаши
И распахнул дневник событий.
А это был дневник души.

ТУРОВО

С каждым днем горячей и опасней
Молодое объятье реки —
Ледяные струи Лопасни
И стальные тиски Оки.

Даль прозрачна, а воздух гулок
Так, что слышен огромный мир.
Тишину сентябрьских прогулок
Оборвал сердитый буксир.

Раззолоченными лесами
Долго смотрит осень в поля.
То ли мы молодеем сами,
То ли жарче дышит земля.

Бабье лето стоит такое,
Как в мои молодые года.
Но в последний раз над Окою
Сорвалась ночная звезда.

НАД СТРЕЛКОЙ

Пускай бы эта ночь была недолгой,
Пускай бы даль была недалеко,
Там, за туманом, сталкивалась с Волгой
Тяжелая, холодная Ока.

И, освещая снежную завесу,
Горели золотые фонари.
И мрачный дворник скрежетал железом,
Не дожидаясь утренней зари.

Он трезво мыслил, что ее не будет,
И снег сгребал нетрезвою рукой.
Но в этом шуме, шорохе и гуде
Не нарушал задумчивый покой.

И с мыслями моими незнакомый -
А разве я с его тоской знаком? -
Он растворился, буднями влекомый,
Подсмотренный, подслушанный тайком.

Со скрежетом и с равномерным гулом,
Как медленные льдины по реке,
Соскреб и снес я смуту, и вздохнуло
Очищенное сердце налегке.

И как ни изводи себя, ни мучай,
Не разрешишь бессмысленной тоски,
Покуда все не переплавит случай,
Как Волга льды, пришедшие с Оки.

НОЧНОЙ РОСТОВ

Весь город опрокинут в сон.
Уйдем из городского сада
Туда, где плещет тихий Дон,
Одаривая нас прохладой.

Там, как струя из родника,
Рассветный луч пробьется рано.
Он чист и легок, как строка
Из Леонида Григорьяна.

1974

БЕЛАЯ НОЧЬ. 1982

Сквозь годы пролетя,
Опять — дожди гурьбою...
Мы, десять лет спустя,
Сюда пришли с тобою.

Здесь потемнели львы,
Ступени потемнели...
На берегах Невы
Мы вновь помолодели.

Не так прозрачна ночь,
Но не смущает это —
Ведь с нами наша дочь,
Наш свет — светлее света.

Дожди и те теплей,
И, щедро неусталы,
Мы открываем ей
Каналы, парки, залы,

Картины и дома,
Мосты и переходы —
Слияние ума,
Пространства и свободы.

Рассказываем ей,
Чего не забываем.
И свет любви своей
В нее переливаем.

* * *

Татьяне Бек

И начинается прощанье
С неопечаленной зимой.
И все, что было обещанье,
Теперь случилось с ней самой.

Весна случилась. Март. И ветер.
И серый снег. И темный лед.
И день, который свеж и светел.
И жизни скрытый поворот.

Везде лесов ремонтных ребра
И ржавый отсвет первых луж.
Вечерних улиц говор добрый.
И тихих переулков глушь.

* * *

Владимиру Леоновичу

Когда душа, как ветру роща,
Добру открыта, – может быть,
Нет ничего на свете проще,
Чем современника любить.

Вот, обозначив совесть словом,
Он словом сотворяет жест,
А вот в молчании суровом
Он избегает общих мест.

Там слабый духом что-то мямлит,
Там клеветник впадает в раж,
И над строкою русский Гамлет
Ломает сотый карандаш.

1978

* * *

Николаю Панченко

Ночного ветра свист и вой
Затих. Покой и нега.
За автострадой кольцевой
Клубы седого снега.
Настала лучшая пора,
Глаз не смыкая, до утра
Раздумывая неспешно
Над тем, что твой вчерашний день
Ложится, как на травы тень,
Как свет во мгле кромешной.

Ночного ветра свист и вой
Затих. Покой и нега.
За автострадой кольцевой
Клубы седого снега.
Клянись седою головой,
Что не был предан друг тобой,
Что — пусть как Бог усталый —
Ты с чистой совестью идешь...
И если все это не ложь —
Не умирай, пока живешь,
Как говорили галлы!

1978

* * *

За окнами, поникшие по-птичьи,
В густом снегу провисли провода...
Пускай летят привычно-непривычны
Заснеженноапрельские года!

Нас не обманешь гулкой псевдоновью,
Грядущее хрипит, как темный зверь...
Дай загляну в глаза твои с любовью!
Так редко это делают теперь.

23 апреля 1992

ТЕРПКИЙ ДЫМ

1

Я тебе целую руки
Посреди ночной Москвы.
Я совсем забыл в разлуке
То, что мы с тобой на «Вы».

Вот и кажутся простыми
Осторожные слова...
Повторяю твое имя —
И кружится голова.

2

И ты, как в омут, в ночь шагнула смело.
И выплеснулась боль за окоем.
И всей любовью — ненасытным телом —
Перетекаю в нежное — твое.

Когда луна, похожая на маску,
Глядится в ночь из молодой весны,
Благодарю за медленную ласку,
За нежность, за навеянные сны.

3

В жаркий миг и невольно и нежно
Говоришь ты такие слова.
Я уже их не ждал безнадежно.
Видно, ты и в молчанье права.

Снова губы с губами сольются,
И услышать их снова позволь...
Хорошо – пусть на миг – обманутся,
На потом отнести эту боль.

5

...Опять летит – незримо, через годы –
Пускай летит: не нужно, не лови –
Короткий миг на улице Свободы,
На перекрестке Жизни и Любви.

6

Закрой глаза. Доверься пальцам зрячим.
Сух и горяч их влажный холодок.
Все тело нетерпением горячим
Пронзает и пронизывает ток.
Твою ладонь в своих ладонях грея,
Я ощущаю в сердце терпкий дым.
Наверно, я тебя люблю, старея,
Нежней, нежней, чем мог бы молодым...

ХОЛМЫ ПУСТЫНЬ

Ирине Евсе

1

На выжженных склонах в дрожащей пыли,
Где вздыблено лоно родящей земли,
Где алая пена горящих холмов
Восстала из плена предвечных дымов,
Где дикое поле взошло к небесам,
Где ветер до боли рвет рот парусам,
Где падает море на гребень холма,
Где в оре,
Где в хоре,
Где в споре
Сама
Стихия стремится построиться в ряд
На скорченных лицах и кряжей, и гряд,
Где неба – не много,
Где камень горит,
Проходит дорога в подземный Аид...

2

На набережной – век железный,
Но так не долги этот век
И этот грохот бесполезный
Бесполох баров-дискотек.
По мне ж – так вовсе не иссякли

И чудятся сквозь мрачный грай
И лунный свет татарской сакли,
И псов татарских злобный лай.

Не оглушен, не огорошен,
Над всей тусовкою высок,
Ступает медленный Волошин,
Подтягивая поясок.

И осторожно море плещет,
Взяв каплю суши на губу,
И осыпается, и блещет,
Как жесткий ремешок на лбу.

Ревет динамик до рассвета,
И пьяный визг под ним звенит.
Но, как и прежде, Дом Поэта
Свое достоинство хранит.

3

То на холм, из теней вздымая,
То с холма, будто в мир теней,
Переходишь, не понимая
Мимолетности наших дней.

Отступает обыкновенье,
Осыпаясь, как горький лох...
То ли краткий глоток забвенья,
То ли вечности долгий вздох.

4

Я так люблю ночные ветры,
Ревущий яростно прибой,
Безудержные кубометры
Воды, кипящей над тобой.

Как хорошо лежать в постели
И слышать скрежет, вой и свист.
Деревья будто оробели.
К окну приник промокший лист.

И рокот грозового пенья,
И воздух треньем разогрет...
Как будто рвутся жизни звенья,
Но их соединит рассвет.

Я снова слушаю без гнева
Угрозы неба издали,
Тоску стихийного напева
И безутешный стон земли.

И оклик властный и суровый
Из мрачной мглы и глубины,
И судорожный всплеск былого,
Переполняющего сны.

Пережитого средостенье,
Нечаянный полет комет...
Как будто рвутся жизни звенья,
Но их соединит рассвет.

* * *

Гураму Чкония

О Господи, бредущий средь камней,
Не о своем молящийся спасенье
И ведающий предстоящих дней
Страданье, подвиг, боль и потрясенье!..

Там, где ступала легкая стопа,
Она навек впечатывалась в камень,
И не стирала след ее тропа,
Протопанная – вслед – учениками.

* * *

Открылась горящая бездна,
Где ты, не сгорев от огня,
В лесу под горою Железной
Неистово любишь меня.

От нежности делаясь краше,
От силы и страсти — нежней...
Деревья — свидетели наши —
Застыли до самых корней.

Люблю этот стон бесконечный
И шепот из сомкнутых губ,
Когда я — невечный и вечный —
И нежен с тобой, и негруб.

Пускай это длится и длится,
И всю мне тебя не испить.
Об этом примолкнувшим птицам
Веками потом говорить.

* * *

Что мы в сердце уносим?
Замыкается круг:
Проплывает сквозь осень
Золотистый Машук.

Ах, какая погода
Навсегда, на года...
Голос экскурсовода
Долетает сюда.

И Машук золотистый
Слышит: листья шуршат.
И толпою туристы
В свой автобус спешат.

Листьев мертвую грудю
Воды сбросили с гор...
Никогда не забуду
Долгий наш разговор.

Память тем и согрета,
Что в аллеях пустых
У могилы поэта
Нету слов несвятых.

ВНИМАНИЕ – ОПАСНОСТЬ
вечером на темной улице
за спиной шаги
внимание – опасность
незнакомец просит прикурить
внимание – опасность
звонок снимаете трубку молчанье
внимание – опасность
постучали в дверь
внимание – опасность
из остановившегося автомобиля
выходят люди
внимание – опасность
подают руку женщине
выходящей из автобуса
и она отдергивает ладонь
внимание – опасность
говорят нежные слова
целуют ласкают любят
внимание внимание
опасность опасность
Господи,
к Тебе
обращаюсь с мольбою
но кто-то невидимый шепчет:
внимание – опасность

ВОСПОМИНАНИЕ О КИНОЛЕКТОРИИ
в провинциальном городке
ушедших лет
морозящая слякоть
ветер
одинокие прохожие
бессмысленный
субботний вечер
старый обшарпанный
клубный кинозал
лекторий
незавизированный отрывок из
«LA DOLCE VITA»
чужая печаль
чужое вино
чужая любовь
сплевывающие скорлупу от семечек
или курящие «Дымок» соседи
сограждане
бесприютные целующиеся ровесники
недоумевающие современники
никто
не хочет
чтоб зажигалась
тусклая люстра
под размокшим потолком
потому что за обшарпанной стеной кинозала
есть то что есть
а здесь все еще течет
сладкая жизнь

ИТОГ

Опять пустые разговоры,
С концами не свести концы...
Нас учат честной жизни воры
И – благородству – подлецы.

1986

БУДНИЧНАЯ ПЕСНЬ В ДЕКАБРЕ 1991

Он вставал в шесть утра
пил чай и ел бутерброд
с маслом колбасой сыром
выходил из грязного подъезда
втискивался в тряский автобус
вылезал у проходной
переодевался в робу
и полсмены гонял на автокаре
а полсмены забивал козла
мылся в душе
переодевался
у проходной встречался с друзьями
пили пиво в пустовавшей торговой палатке
сбрасывая рыбу шелуху на грязный пол незлобиво
переругивались спорили о футболе бегали по очереди за
новой порцией пива ругали бригадира сбрасывая шелуху
на грязный пол пили пиво курили рассказывали анекдоты
про Василия Ивановича Рабиновича Брежнева русских
пили пиво сбрасывая шелуху армянское радио чукчей
грузин пили пиво коммунистов евреев сбрасывая шелуху
на пол Сару Львовну посылали за новой порцией пива
сука бригадир сбрасывая шелуху не выписал падла
премию курили Васькина жена стерва пили пиво
связалась с начальником сбрасывая шелуху а ты кто такой
посылали кончай ругаться ребя пиво шелуху дочка с
соседским охламоном пиво гады разбавляют в подвале

застукали шелуху бригадир Леонид Ильич Рабинович а
ты кто такой шелуху козел вонючий пиво ребя посылали
кончай сбрасывая задираться шелуху шелуху шелуху
шелуху шелуху

добирался домой на карачках
дети спали в соседней комнате
жена злая штопала носки у телевизора
огрызался вкалываю день и ночь посидел с друзьями
сама небось полдня ничего не делала с бабами в
очередях трепалась надоело одно и то же
ложился спать...

Он и теперь встает в шесть утра
масла нет колбасы и сыра тоже
пьет чай с хлебом
выходит из грязного подъезда
втискивается вместе с соседом в грязный автобус
и всю дорогу до проходной
ругает этих сраных демократов

при коммуниках, — говорит, — мы
жили по-человечески

* * *

Рассвет, набравшись храбрости, приник
К захламленному рухлядью балкону.
И я, читатель устаревших книг,
Читаю этот сумрак заоконный.

Пока ты спишь, от головы до пят
Объятая усталою истомой,
Я мыслями тревожными объят,
Как чтением зачитанного тома.

И – шорх да шорх! – пугает дворник тишь.
И – шорх да шорх! – шуршат сухие шины.
Люблю, когда ты безмятежно спишь!
И прогоняю мыслей писк мышинный.

Люблю, когда, на миг открыв глаза,
Мой долгий взгляд встречаешь удивленно
И вдруг, вздохнув, опять уходишь за
Границу яви, в этот сумрак сонный.

УРОКИ ИСТОРИИ

Впервые Он разглядел Ее строгий профиль, нежные завитки волос на затылке, поймал Ее быстрый взгляд, и у Него возникло желание быть с Ней рядом, хотя Он не посмел бы даже заговорить с Ней, но в те дни Томас Ферфакс послал левое крыло во главе с Генри Айртоном, и летучий кавалерийский отряд напал на королевский арьергард, расквартированный в Нейзби...

Оливер Кромвель праздновал победу, а Он не решился думать о том, что же произошло. Когда Он все же однажды подошел к Ней – и оказалось, что это совсем не страшно, – войска революционной Франции возле бельгийского Флерюса разгромили главные силы австрийской армии.

Он был счастлив: Она призналась, как давно ждала, что Он подойдет, и, словно в такт биению Их сердец, доблестные войска Бонапарта вошли в Северную Италию – австрийцы терпели одно поражение за другим, а Их нежный роман набирал силу, и Он даже не заметил, когда завершился поход Боливара, как, защищая Рим, гибли сторонники Гарибальди, как позорно бежал Меттерних...

Да что Меттерних! Если первые поцелуи вскружили Ему голову, и Он проглядел наступление весны, а 14 апреля был убит Авраам Линкольн.

Но однажды Она, как ни просил, не захотела идти с Ним на очередную тусовку: – Неинтересна мне эта компания! – А, спустя пару дней, возвращаясь через парк

с тренировки, Он увидел Ее с другим.

Пока Он пытался найти подходящий момент, чтоб пересечь преграду Ее похолодевшего взгляда, уже решилась судьба индейских племен в ущельях Скалистых гор, но Ему это было совсем безразлично...

В конце концов, Она успешно сдала экзамены и поступила в престижный вуз.

Иногда Они случайно встречались на многолюдной улице и оба делали вид, будто не замечают друг друга. Он вспомнил, как хотелось погладить Ее руку в том мае, когда Он так и не усвоил, что во Франкфурте-на-Майне собирался общегерманский парламент. Он вспомнил... Он... вспомнил... Он...

Последняя ночь где-то под Ведено... А, может, кто его знает, где-то под Шали...

1994

ОГЛОХНУВ

от рока

от съездов

от скандалов

в очередях и метро

от милицейских сирен

от рева автомобилей

и еще Бог знает от чего

перелезть через забор

детского сада

сесть в песочницу

и слушать

слушать

слушать

этот музыкальный

чистый

наивный

лепет

маленьких ангелов...

* * *

Пламенем горячным объятый,
Задыхаюсь, словно на бегу...
Я люблю тебя! Люблю, когда ты
Вся – костер на молодом снегу!

И спадает платьице со стула,
Дотлевают сумерки в золе.
Чем-то жутко-сладостным дохнуло
В обступившей нас обоих мгле.

Затаив неровное дыханье,
Как ты жадно ласки мои пьешь,
Вся – неуголенное желанье!
Вся – уже не сдержанная дрожь!

И когда отхлынут волны страсти
И прихлынет нежность им в ответ –
Тихо ляжет на твое запястье
Тот же негасимый лунный свет.

* * *

Буксир на реке завывает...
Я вышел и сразу промок.
Ну что ж, и такое бывает.
И что мне полночный звонок!

И что мне в твоём интересе —
Куда мое время летит!
Ты где-нибудь в теплой Одессе,
А здесь без конца моросит.

Здесь тусклая сырость нависла.
Не спрашивай лучше, не зли!
Летят перелетные числа
И тают в осенней дали.

Недолго уже до мороза,
Как вечер наступит — ни зги...
Какой-нибудь Бабель с Привоза
Тебе заморочит мозги.

Мерцает холодная лужа,
Буксир завывает, скорбя...
Послушай, найди себе мужа!
Пусть он ревнует тебя!

СНЫ И ДНИ

Приснилось:
в ущелье Терека
где свист ветра
сплетается с ревом потока
я опустился на колени
чтобы омыть лицо
но выскочил из-за скалы
злой осетин
и навел на меня ружье

стало мне страшно
и я проснулся в холодном поту...

Приснилось:
вот я иду по осетинской деревне
и женщины в ужасе
выбегают к своим ребятишкам
прячут их за глинобитными заборами
шепчут:
тихо
не реви
там идет злой грузин
он может убить тебя

стало мне страшно
и я проснулся в холодном поту...

Господи!
что это за сны
от которых просыпаешься дрожа!
Что это за дни
от которых хочешь
забыться сном!

* * *

Молчи, моя любимая, молчи.
Сомкни уста. Свежи, свежи ресницы.
Мне снятся волейбольные мячи.
Велосипед. Шоссе. И море снится.

Полубезумный охлаждающий кроль.
Визг тормозов. Тяжелый скрип уключин.
Позволь на миг забыться мне, позволь
Вернуться в день, когда я – не научен

Ни опытной расчетливостью лжи,
Ни равнодушной ленью отчужденья –
Был юн... Моя любимая, свежи
Ресницы. Дай забыться на мгновенье.

Пусть снятся волейбольные мячи –
Весенний мир за приоткрытой дверцей...
Молчи, моя любимая, молчи!
Не утешай. И не врачуй мне сердце.

АВТОБУСНАЯ ЭКСКУРСИЯ

Севастополь —
сверкающий в лучах солнца
белый
многопалубный
корабль

остался за высотками
и потянулась лента дороги
с горы на гору
вдоль моря
пьющего свою пену
у подножья скал

Смотрите, вон
красная крыша! —
волнуется экскурсовод
и вскакивают пассажиры
еще свежи в памяти дни
трагикомического
фарса в Форосе...

все у кого остались свидетели
бывшие в Белом Доме —
если доживем —
то лет через сорок
приползем
в Комитет Ветеранов Августа

за талоном
на право внеочередного
приобретения
колбасной пайки —
у, с какой ненавистью
поглядит на нас очередь
строителей
очередного светлого будущего!..

1991, осень.

СТИХИ О МУЗЕ

1

Злее зноя я не знаю,
Нет сильней огня —
Муза, женщина земная,
Обожгла меня.

Помню: вдруг прошелестело
Сильное крыло,
Не убило, не задело,
А заволокло...

Или синей незабудкой,
Нежностью пьяня,
Иль в ночи пастушьей дудкой —
Позови меня!

2

Вот она, текучая вода,
Вот она, зеленая трава, —
Так приди, небесная, сюда
И земные подсажи слова.

Потому что без тебя — беда,
Без тебя тоска моя жива,
Так приди, небесная, сюда
И земные подсажи слова.

Я в ночи – погасшая звезда,
Среди дня – ослепшая сова.
Так приди, небесная, сюда
И земные подсажи слова.

Лучше бы не знать мне никогда
Этого смертельного родства...
Так приди, небесная, сюда
И земные подсажи слова.

* * *

Наступила пора снегопада.
Осторожно дыханье зимы.
Хорошо, что прощаться не надо,
Потому что не встретились мы.

Это правда, что вечер мне снится,
А печаль и светла и легка...
Это – площадь, а может – страница,
Переулок, а может – строка.

РИТМИЧЕСКИЙ РИСУНОК

рифма
интонация
метафора
точный звук
высокая поэзия
жалкое стихотворство
ремесло
призвание
профессия
и раньше все было то же
что и теперь
когда вы теряетесь
перед эксклюзивным дистрибьютором
не решившим проблему трансферта
в связи с колебанием котировок...

хорошо
если вечер дождливый
накиньте старый плащ
(именно старый плащ
а не модерную куртку)
отправляйтесь бродить
по тихим переулкам...

дробно стучат дождевые капли
шелестит ветер
гоня опавшие листья

сбивая их в слипшийся ворох
на жухлой мокрой траве
где-то в окнах домов
голоса
музыка
а здесь промяучит бродячий кот
протрусит бездомная дворняга
(конечно вас могут избить
за то что вас нельзя ограбить)
но еще остается слабенькая надежда
услышать у темного подъезда
«мне пора»
и
«побудь еще немного»...

похоже
не совсем и не все
изменилось в мире
можете тихонько заплакать

в конце концов
нам всем предстоит
умереть
и хорошо бы сделать это
по-человечески

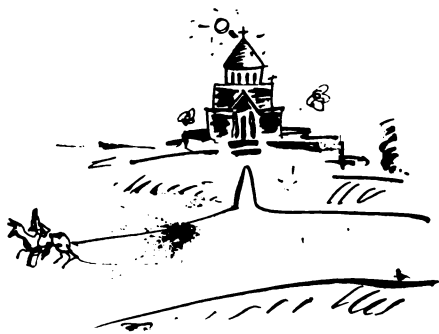
1992

* * *

Ты – чистая и нежная
Печаль моя и боль,
Надежда безнадежная,
Последняя любовь.

И если день итога
Определил мне Бог,
Благодарю я Бога
За мой последний вздох.

За этот отблеск летний
Судьбу я не корю,
За выдох мой последний
Его благодарю.

РОДНЫЕ СУМЕРКИ

НОЧНАЯ ГОНКА

Сквозь полночь снежную лечу,
Вираз ощупывает фара.
Включу приемник. Поверчу.
Оьраднуюсь: поет Ламара.

Рассеивайся, плавай, вей,
Лей надо мною это чудо!
Рассыпь, полночный соловей,
Нить жемчуга, нить изумруда!

Невозвратимо пролилась
Через пространства, дали, выси
Души таинственная связь,
Родные сумерки,
Даиси...

1982

* * *

Памяти бабушки Надежды Гогришвили

Там начиналось утро с поездов,
В ущелье узком гулко грохотавших,
С двух ласточек, укромное гнездо
Перед рассветом самым покидавших.

И начиналось утро с облаков,
На фоне неба видных еле-еле,
И родников, и быстрых ручейков,
Которые в лесу задорно пели.

И там текла прозрачная вода,
И родина была на вкус холодной,
И отступали горечь и беда,
И жизнь летела ласточкой свободной.

1972

* * *

Отару Нодия

Вагон стучит вагону вслед,
И долго ждешь, когда — в ударе —
Прожекторов сквозящий свет
Из мглы внезапно вырвет Джвари.

Он выплывает над землей,
Подсвеченный мерцаньем снега,
Подобье белого ковчега
Над затаившеюся мглой.

Сплошного снега полоса
Ложится при дрожащем свете,
И Джвари смотрит в небеса
Уже которое столетье!

* * *

Этой каплей пылающей крови,
Ярче света горящей во мне,
Предназначен суровой любви,
Предначертан родной стороне.

Посмотри на старинное фото,
Антураж обязательных поз,
Да на фоне светящихся лоз,
Обвивающих кресла...

И что-то

Здесь от праздника...

Где же работа?

А работать им всем довелось.

Никого не узнал я, по правде,
Ведь и дома Кайсарова нет..
Все же здравствуй, веселый мой прадед!
Мой, погибший в 30-е, дед!

Вы, принявшие радость и муки,
С отдаленного края земли —
Поманив, протянули мне руки —
В мой Эцери меня привели.

И щемящее чувство потери.
И рождение новых миров...
Я развеян.
Но я — из Эцери!
Я из этих домов и дворов!

* * *

Эммануилу Фейгину

И вещи, как будто сны,
Опять звучат в напеве старом
Чонгури стон, и плач зурны,
И сдержанная дрожь гитары.

И кажется – пройдут века,
Пока звучат они, пока
Задерживаем мы дыханье,
И застывают облака,
И обрывается строка
На грани выдоха, на грани...

* * *

Вернусь к осеннему Телави,
Вслед за печалью полечу.
Пусть я говорить не вправе,
А все равно не умолчу.

О том, чего не совершу я...
Хочу припасть к руке твоей
И слышать музыку чужую,
Забыв о музыке своей.

Но так необратимо время
(За часом умирает час!),
Как не доехавший до Грени
Автобус, увозящий нас.

Из цикла
«ХУДОЖНИК»

Надежде Синиченко

1. Ночь на Куре

Качнет плоты у низкого причала:
Эй, кто встречает? Жги костры, темно!
И женщины спешат из Ортачала,
Несут хурджин и в бурдюках вино.

Форелий бок румяно золотится,
Подманивает запахом дымок.
Хмельных и полусонных пандуристов
Кинто неудержимый приволок.

Хинкали преподнес духанщик толстый:
Вай, тамада, уже стекает сок!
И пышнословьем расцветают тосты —
Кого не очарует тонкий слог!

Уж ночь, и та от пиршества устала!
Уж над рекой колеблется рассвет...
И, хохоча, глядит на них Никала...
Еще ни горя, ни страданий нет.

1965

2. Дворник

Поседевший, тощий, жалкий,
Для зеваки ты – напасть,
Но в руках метла что палка,
Лишь бы только не упасть.

И до крика невозможна
У тебя в глазах тоска...
Кто мы?
Дворник и художник,
Два разбитых старика.

1969

ДРАВИЧ В ТБИЛИСИ. 1975

Пан Анджей – ненасытный пешеход.
Он запросто поднимется в Кикети...
Потом неспешно-быстрый переход
Из Сололаки – прямо в Чугурети.

Из Авлабара можно в Дидубе...
С холма на холм, пересекая выси,
Он будто отдыхает при ходьбе,
Он впитывает терпкий дух Тбилиси.

Еще царит несправедный разор,
И ход столетий насылает тени,
И просится в полночный разговор
Грузино-польских судеб совпадение.

Час испытанья, он еще грядет,
Но Вышний глас зовет к человеку!
Пан Анджей, ненасытный пешеход, –
По городу, по времени, по веку..

ПАМЯТИ ДРУГА

Похорони меня ты в Шио-Мгвиме...

Леонид Темин

То, что спето поэтом — в силе,
Не забыто, что сказано днесь.
Все, что ты оплакал в России,
Все, чем счастлив бывал ты здесь.

И отыскано место в тверди,
Как — в небесной, так — и в земной.
Сон неспящего в Мухатгверди,
Та же — влага и тот же — зной.

ВЛАДЕЛЕЦ ШАРМАНКИ

Александр Цыбулевскому

Там посмотришь в окно из квартиры поэта –
Налезают дома на дома.

Столько света – похоже на знойное лето,
А вчера лишь сипела зима.

Посмотри, обнажились гор окрестных отроги...
Ну, вздохни же! Былое забудь.
За домами угадывается железной дороги
Полоса. Перейдем как-нибудь.

Все начнется сначала. Начнется сначала.
Что ты сжал в своем кулаке?
Вот опять надежда тебя повстречала
На апрельском сплошном сквозняке.

Поманила – и столько наобещала,
И едва не свела с ума.
Все начнется сначала. Начнется сначала.
Только выйдем за те дома.

1974

ВОСПОМИНАНИЕ. ИЮНЬ 1975*Яну Гольцману*

Сквозь сумрак вагона вечернего,
говор и стук
доносится звук,
превратившийся в голос...
Сквозь гомон вагонный
обрывок чужих разговоров...
И, русскую речь
с украинской мешая,
доносится повесть чужая:
«А там кулэмэты —
та-та-та-та-та —
потом тышына, тэмнота...
З тэмрявы, з той пустоты
вин всё ж таки вытягнув мэнэ...
Мы стали братья!»

Не думаю я ни о чем,
но лбом прижимаюсь к окну,
дрожащему в такт колыханью.
Потом я прилягу
и долго никак не усну,
прислушиваясь
к чужому дыханью.
И ночь, и дорога, и тот разговор
о том, что роднит

и братает людей меж собою
присутствие смерти,
ее молчаливый укор...
И вспомнил тогда,
как однажды с тобою
у темного гроба
мы воздух глотали закрытыми ртами
в машине с распахнутыми бортами,
и он — молчаливый свидетель:
мы стали братьями.

* * *

Серебряные переулки,
и улочки, и тупики,
прислушайтесь: вот шаг мой гулкий,
вглядитесь: мерный взмах руки.

Балкончики не покривели,
и, время возблагодаря,
по Чахрухадзе, по Шавтели —
на площадь воина-царя.

А там, уже при лунном свете,
на набережной, мы — вдвоем —
засмотримся на Чугурети
и затоскуем о былом.

Оно не то, чтобы забыто,
а так, кругами по воде,
как звезды по Куре, размыто:
там было... здесь... а завтра — где?

* * *

Не знаю, что нашел и потерял,
Когда река разгневанно ревела,
Я тихо говорил: прощай, Дарьял!
Душа моя навеки отболела.

Гляжу на резкий среди мрака снег,
На этот крест, возвысившийся в небо:
Прощай же, величавый мой Казбек!
Прощай и ты, Гергетская Самеба!

Благодарю за то, что вы — со мной,
За тот глоток прохлады среди зноя,
Когда в прощальный этот час ночной
Моя любовь последняя со мною.

Ночная птица, свой полет верша,
То упадет, то снова ввысь взвьется, —
Быть может, это — здесь моя душа
Теперь уже навеки остается.

* * *

В Батуми осеннем так мало заезжих людей.
В осеннем Батуми таится дыханье свободы.
Поют водометы, и в мареве их площадей
Сияние радуг сливается в дальние годы.

Когда это будет? Быть может, уже без меня
Очнется былое? Каким оно станет? Не знаю...
И море – с балкона – покажется краем огня.
Уже отраженная небыль. И память сквозная.

ПАМЯТИ МОРИСА ПОЦХИШВИЛИ

За железным набатом
Город боль утаил.
«Брат силен только братом!» —
Помню, ты говорил.

Ошибаться обидно.
Повторяю с тоской:
Что ж нам братьев не видно
За Энгури-рекой?..

Время не виновато,
Не покатится вспять.
«Брат силен только братом!» —
Повторяю опять.

Только горько и плохо.
Догораем дотла.
На дворе — не эпоха,
А безвременья мгла.

АБХАЗСКАЯ БАЛЛАДА

Между Черною речкой и Белою речкой
Не ступает давно человечья нога.
Между Белою речкой и Черною речкой
Тишина – так звеняща, страшна и туга.
Между Черною речкой и Белою речкой
Изможденная пылью дорога лежит.
Между Белою речкой и Черною речкой
Птица-ненависть жертву свою сторожит.
Между речкою Черной и речкою Белой
Кукурузные никнут бесплодно поля
И напрасно под влагу небесную тело
Подставляет в истоме усталой земля.
Ничего нет кровавей вражды человечьей,
И спасенья уже никому не найти.
Между Белою речкой и Черною речкой
Больше, кажется, нам никогда не пройти.
Но наступит пора: на земле оробелой
Мы однажды обнимемся с другом. Вдвоем
Между Черною речкой и речкою Белой
Мы печальную песню о прошлом споем.

1 августа 1996

* * *

Жизнь докатится до предела
Безнадежности и тоски...
Вдруг отыщется саповнела
Средь ущелья, вблизи реки.

Хлынет свет, раскрывая вежды,
Свет, распахивающий пути.
Саповнела – цветок надежды,
О, как трудно тебя найти!

У вершин или у подножий,
Кто – в долинах, кто – на плато,
Может, видел цветок похожий?
Кто-то встретил его? Никто!

Жизнь докатится до предела,
До последней дойдет черты...
Я ищу тебя, саповнела!
Саповнела, о, где же ты?!

* * *

И мгла над колокольнями седыми.
И гнезда быстрых ласточек пусты.
Облиты солнцем соты Шио-Мгвиме,
И тень веков стекает с высоты.

Струится Мтквари ленточкою света,
Бесшумна и ровна издалика...
Скорбит Сиони! И рыдает Мцхета!
Жжет Кошуэти смертная тоска!

Твердыни от молчания устали,
И, о забвенье горестно моля,
Вновь застонала от земной печали
Бессильем оскорбленная земля.

* * *

Гураму Асатиани

Деревья в сумерках потонут,
Иссякнет августовский зной...
Мне кажется, что это стонут
Большие птицы надо мной.
Но звуки делаются глуше.
В них ни печали нет, ни зла.
Бессмертьем мучаются души,
Когда истлели их тела.

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Я ощутил невечность наших гор.
Не вечны ни ущелье, ни долина.
Они меня переживут, и сына,
И правнука, и все же это вздор.

О Вечности ревнуя и скорбя,
Я – не о том, что может б ы т ь веками...
Что – дерево? И что – холодный камень?
Душа, одна надежда на тебя!

Свое существованье не прерви!
Ведь нас из тьмы лишь ты выводишь к Свету.
Лишь ты хранишь мгновение любви,
С которым я оплакал землю эту.

* * *

Все – Тбилиси, Тбилиси, Тбилиси!
Это имя звучит без конца.
Эти улицы, вывески, выси,
Многоликое чудо лица.

Все сплелось, перепуталось, спелось,
Все смешалось, навек обнялось.
Это – словно усталость и спелость,
И веселая юная злость.

Это – совесть, и это – дыханье.
И дышу.
И, пока не умру,
Это листьев моих колыханье
На последнем, на вечном ветру.

* * *

Неужто сюда,
где сбывалось мальчишечье лето
и где пролегали дороги
в иные года,
однажды нахлынет
и скроет навеки все это,
нахлынет, разрушит
и смоеет большая вода?

И здесь,
где скала
раскалилась под небом
нагая,
где древняя башня
и солнце седое над ней,
застонет прибой
и ударит волна, набегая,
и я не увижу
следы твоих легких ступней.

Такое молчанье
томится в прохладном овраге,
Как будто природа
уже затаилась и ждет,

и струи кипящие
Белой и Черной Арагви,
сливаясь,
смеются и плачут...
А время идет...

ХРАМ БАГРАТА

Посвящается всем

В храм
распахнутый небу
дай мне войти
и поставить свечу
я не знаю слов
этой молитвы
я говорю говорю говорю
и тысячи тысяч
встают за моим плечом
трясутся толкаются плачут
хватают меня кричат
угрожают орут
тише вы тише вы тише
я всех вас слышу
ваши обиды боль оскорбленность
тише о тише
машу я рукой
не все сразу или сразу все
я всех вас слышу
не бойся случайный прохожий
я не сумасшедший старик
разве ты не видишь
они все здесь
вот они теснятся за плечом
кричат каждый свою правду

а у меня нет истины
для каждого из них
а для их гнева
у меня есть только
любовь

не пугайся этой тишины
прохожий
не смотри на меня с сожаленьем
разве сам ты
не слышащий их
сожаленья достоин меньше?
простите меня вы все
и Ты помилуй
а я прощаю вас всех
и тех кому моего прощенья
не надо
тише вы тише вы тише
я всех вас слышу
хоть на мгновенье
отриньте гнев обиду ненависть боль
встаньте на колени
со мною рядом
встаньте на колени
перед Ним
все кто не пал на колени
перед вселенским Хамом
и те кто изнемог и пал на колени
перед вселенским Хамом
встаньте теперь со мною рядом
ибо я стою перед Ним

и Ты нас всех прости и помилуй
вот они со мной
убиенные униженные оскорбленные
Ты прости нас
вот они со мной
убивавшие насилующие
Ты помилуй нас

пляшет вселенский Хам
и празднует и ликует
ибо много их
поднявших руку друг на друга
во имя Хама
ибо сонмы их
обезумевших и разгневанных
встань со мною рядом
посягнувший на брата
ринувшийся на друга
оскалившийся на соседа
заходи прохожий
видишь: я ищу слова для молитвы...
да их много
кто теснится за моим плечом
и они еще не умеют
без гнева смотреть друг на друга
и сам я хочу суметь
и говорю: хорошо ладно
встаньте на колени
и обратите лица свои к Нему
и откройте Ему ваши сердца
тише вы тише вы тише

я всех вас слышу
осетины абхазы чечены
и братья
восставшие на братьев
встаньте со мною рядом
не ропщите
в этом бездонном храме
каждому хватит места
плачь и ты прохожий
входи не бойся
даже если ты зовешь Его
другим именем
входи
ибо храм — бездонный
и нет здесь икон или капищ
кадил клобуков и свитков
сосудов для омовенья
только вечные камни
перед распахнутым небом
только побеги выющихся трав
да безгрешные птицы
тише вы тише вы тише
я всех вас слышу
здравствуй Сулхан-Саба
ты опять вернулся с пустыми руками?
никто не поможет
если сам не устроишь свой дом
тише вы тише вы тише
я всех вас слышу
и не кляните русских

ибо Хам восседающий в доме
бессловесных держит в хлеву
не пугайся прохожий
вот я распахнул свое сердце
пусть вытекут боль и гнев и обида
чтобы остались слезы любви и печали
чтобы опять на земле оскорбленных
был поцелуй и зачатъе
и праздник рожденья
тише о тише о тише
да слышу вас всех я слышу
убиенных ушедших заблудших
пропавших
плачьте со мною вместе
плачьте с теми кто носит в себе
страшный гнев и обиду
и Ты утиши их боль
и дай им свет милосердия
и в тысячелетнем храме
где вольно гуляет ветер
не задувай Господи
эту свечу!

ПО ЧАБРЕЦУ ДА КОВЫЛЮ

* * *

Он бежит, словно маленький греческий бог,
От Урзуфа до Бухтармы...

Слева — море и ветер, гудущие в рог,
Справа — глинистые холмы.

Слышен шелест ног и румейский хор —
Растревоженных чаек крик...

На экране памяти рапидный повтор
На мгновенье опять возник.

Отпечатался след среди рассыпчатых дюн,
А над ними тимьян дрожит...

Вестник времени, маленький этот бегун,
Пусть он вечно вперед бежит.

* * *

Откуда-откуда, куда я бегу?
Палатка стоит на морском берегу.
Сосновая роща, песок и вода.
Откуда бегу я? Куда я, куда?
Душа, ты не чайка, и времени слой
Тебя покрывает, как днище смолой.
А лодка разохлась, и нету весла,
Гордячка рыбачка весло унесла.
И если рассказ начинают с азов,
Пусть морем себя называет Азов.
Пускай он прихлынет, соленый, седой,
Пустынный, осенний, как сон, молодой.

* * *

Льву Яруцкому

Киммерийцы, скифы, сарматы...
Оседают, седея, века
На листок полыни и мяты
И уходят, как облака.

И стоят половецкие бабы,
И курганы дождями сечет.
И куда эта жизнь ни текла бы,
Никуда она не утечет.

Неподвижно-стремительно время.
И сухая трава на песке,
Где встает против племени племя,
Чтобы плыть в этой вечной реке.

Пусть пока еще Русское море
Меотийским болотом зовут.
Но уже между косками, в створе,
Вижу я, как ладьи поплывут.

СТЕПНОЙ ХУТОР

А там, за тыном, стылый ветер,
Там повисает сивый дым,
Оставшийся один на свете, —
Когда успел он стать седым?

Один на всем степном просторе,
Один, как ночь, как человек,
Уплывший в сумрачное море, —
Когда он пржил целый век?

То он, как облако, булькатый,
То, будто тонкий тополек,
Он отлетел от теплой хаты —
Прилечь? Пригреться? На припек?

И в таянье неотвратимом
С неотвернувшимся лицом
Он — и чабрец, пропахший дымом,
И дым, пропахший чабрецом.

* * *

Певучий воск расплавлен всюду.
Течет медовый отблеск дня.
Рассыпавшихся листьев груду
Стряхнула верба на меня.

И стадо тянется коровье
Ленивое, а вслед за ним
Вступает осень в Приазовье.
Над морем марево как дым.

Волнуются степные травы,
И ветер тычется в стога.
Не требуя себе оправы,
Лазурь толчется в берега.

Легко лететь велосипеду,
Легко и мне, припав к рулю,
Забыть, куда я нынче еду
По чабрецу да ковылю.

ДОЖДЬ В ПЕРЕУЛКЕ

Гореванье дождя, говоренье
Влажных листьев, отпрянувших прочь.
Это просится в стихотворенье
Та, дождями омытая, ночь.

Кто поверит моим увереньям?
Почему мы участия ждем?
Гореванье дождя, говоренье...
Разве я не любил под дождем?

Горьковатую этой водою
Разводил и Любовь, и Добро...
Вот проходят счастливые двое,
На ладони ловя серебро.

Слышу ласковых слов повторенье,
Не уймутся и к дому дойдя...
Гореванье дождя, говоренье
Листьев, прыгнувших прочь от дождя.

* * *

Недаром вздрагивает румпель, —
От зыби, что ли, мы дрожим?..
Низовка гонит в Мариуполь —
Давай на коску побежим.

Обстанет море мгла, скрывая,
Откуда этот плач и вой.
Укроет нас коса Кривая,
Нам на Кривую — по кривой.

Берут морские черти глоткой.
Ты только румпель не сорви.
Под перевернутою лодкой —
Пристанище твоей любви.

Покуда кровь не стала рыбьей,
Меж перекатами кружим.
И не дрожим от этой зыби.
От нетерпения дрожим.

БЕЛОСАРАЙКА

— Молчи, молчи! — и задохнулся шепот,
и новые слова у самых губ
вдруг перехвачены сквозящим поцелуем,
и руки ищут рук, и змеи ног
сплетаются на адской сковородке,
и между резким выдохом и вдохом —
«еще!» — попытки слов и поцелуев,
и этот рвано-точный ритм движений,
несовпадающее совпадение
дыханья, боли, нежности и злости!..

— Я больше не могу!..

— И я!..

И ветер

как будто нас разбрасывает:

где мы?

Вокруг, во мгле, — сентябрь,

хранящий запах лета,

и там...

И там, где гулкий ропот моря

сопровождает пенные валы,

где ветер пахнет чабрецом, а звезды

заглядывают нам с тобой в глаза,

где только дальний бакен — призрак жизни,

мы, запрокинув головы, лежим,

едва друг друга пальцами касаясь, —

мне кажется, что это дышит вечность

размеренным дыханием твоим...

МАРИУПОЛЬСКАЯ СЛОБОДКА

Тихая улочка. Только трамвай
С грохотом вылетит из-за поворота.
Вожатый трезвонит: «Эй, не зевай!»
Прохожий отмахивается: «Чего там!..»

Цветут акации. Осядет пыль,
Которая лениво проплыла за трамваем.
А еще иногда такое бывает:
В улочку заглянет автомобиль.

И остановится, словно споткнется.
Ну и ухабы — гора за горой!
Хорошо на тихой улочке живется.
Особенно хорошо — закатной порой.

Выйдут старушки. На скамеечке сядут.
Одна к другой прижмется плечом.
За скамейкой скамейка, весь квартал кряду —
Станут разговаривать о том о сем.

Делать-то им нечего. Замужем их дочки.
Вот и на улочке тишина.
Сыновей-то нет. А где они, сыночки?
Знает об этом война.

1974

СЕСТРА

И настала та минута
Неожиданно и странно.
Называл сестру – Анюта,
От других услышал: Анна!

У меня свои волненья.
У меня своя забота.
Перемены настроенья.
Спешка. Суета. Работа.

А она смеется звонко.
Слышал: нравится кому-то.
Вот и выросла сестренка,
Анна, Аннушка, Анюта...

1975

БАЛЛАДА О ВСТРЕЧЕ

Я с ним столкнулся на вокзале,
В охрипшем и оглохшем зале.
Мы забежали в ресторан,
Который рядом оказался.
Он был неожиданной встречей пьян,
Но пить — «ни капли!» — отказался.
А, помню, он рычал хмельной:
«Давай гуляй, народ блатной!..»

Гуляй, народец, лейся водка!
На Шишманку идет Слободка,
А бедный обыватель в страхе:
На Нососеловку — Аджахи,
И с Хараджаева орлы
Наводят мрачные стволы.
Ох, с матерком на ветерке,
Кто с перышком, кто налегке.
«Какие пролетели годы!..
Какие отшумели воды!..»

Спор поколений длится, вечен
И так же труден там сейчас,
Где Верой Маленькой отмечен
Отрезок жизни после нас.

* * *

Если идут мои ноги,
То среди летнего дня
На старокрымской дороге
Можешь увидеть меня.

Лето горячее тает,
Листья сухие кроша.
Ветер. А может, витает
Та, неземная душа?

Что она мне нашептала?
С чем она скрылась вдали?
Ты бы ответил устало –
Выдохнул из-под земли.

Небо бездонно, глубоко,
Легкого облака слой...
Как же тебе одиноко
Там одному, под землей.

Ветер. Не ты ли мне дышишь?
Вот как спокойна трава...
Вдруг ты услышишь, услышишь
Эти немые слова.

* * *

Жил по соседству маленький портной,
По вечерам он ел свой скромный ужин,
Справлял в субботу грустный выходной,
Искал для дочки выгодного мужа.

А в церкви золотились образа,
Переминался странник, спину горбя,
И все глядел Спасителю в глаза,
Исполненные вечности и скорби.

У Господа – прямая борода,
Какой у смертных сроду не бывает,
И чудится, что странная звезда.
Над головою Господа сияет.

Неколебима вера и чиста,
И на устах благоговеет Слово.
И дела нет, что рисовал Христа
Художник с местечкового портного.

1972

ЕСЛИ ВЫЙТИ ИЗ КАЛИТКИ

и пересечь наискосок Итальянскую,
которая нынче Апатова,
то войдешь в переулок,
где был когда-то пустырь.

На пустыре возникал
шатер «шапито».

Но это было во времена,
когда юный доктор Залкинд
прикладывал примочки
стареющему Ивану Поддубному.

А позже долгие годы
на этом пустыре
мальчишки гоняли собак
или гоняли мяч,
а в старом домишке напротив
девочка тихо росла
и в окошко глядела.

В доме ее сияла с портрета
мама,
женщина удивительной красоты,
светившая дочке
из миражей
далекой московской богемы.

И не заметили
старая бабушка с дедом,
как пчелы слетелись к ним в сад

за пьянящим нектаром...
Только музыка, только стихи...
И кого-то любила она,
а кто-то ее любил,
но она оставалась
маленькой девочкой,
ожидающей маминой сказки.
А теперь ее нет,
да и домика нет,
и застроен пустырь гаражами.

Если выйти из переулка
и вернуться к калитке,
за калиткой увидишь
пустое пространство, где тоже
старый домик стоял...

Дед лежит, где когда-то была
агробаза и где тысячи прочих
лежат
в мариупольском Бабьем Яру.
Сын лежит недалеко,
а внук на пустое пространство
глядит,
держит за руку правнука,
для которого города имя —
звук
уже — или все же еще —
пустой.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Они лежат в чужом дому,
Во тьме припав друг к другу.
Им хорошо. И потому
Они не слышат вьюгу.

А за горячею стеной,
За неостывшей печкой,
Дрожит от стужи ледяной
Горячее сердечко.

Хозяйка дома молода
И – черт возьми! – красива,
И ей студеная вода –
Как жгучая крапива...

Две женщины, спеша, бегут
С рассветом на работу,
А у него – веселый труд:
Поесть, попить компоту.

А что ж, он гость издалека.
Как милая ни просит,
Уедет скоро, а пока
Воды и дров наносит.

Потом приляжет на диван,
Натянет плед на плечи,
Возьмет переводной роман...
А там наступит вечер...

Она-то ждет в своем дому,
Чтоб мать и сын уснули,
Чтобы скорей бежать к нему...

Он, развалиясь на стуле,
С хозяйкой бледной пьет вино
И балагурит с нею,
И у нее в глазах темно,
А на дворе темнее.

Она дрожащею рукой
В тарелку хлеб свой крошит.
И этот цепкий взгляд мужской
Пугает и тревожит.

КУРОРТНАЯ ПОВЕСТЬ

Официантке длинноногой,
Живущей очень далеко,
Домой полночною дорогой
Ходить привычно и легко.

Я излагаю факты сжато:
Купальный кончился сезон, —
Отчаиваться не резон —
Еще довольно провожатых.

Не надо красного вина,
И коньяку вы не хотите,
Скажите, ну ее ль вина,
Что вы до полночи сидите!

Старушка мать и крошка дочь
Давно во флигеле уснули,
Соперников вы шуганули.
И, кажется, — за вами ночь.

Чего вы только не плетете,
Пока вы рядом с ней идете.
Но вот — протянута рука.
Задерживаете, зовете,
Но ироничное «пока»
Вас достигает на излете...

Вы чертыхнетесь: – Вот досада! –
Провинциальная тоска!
Ну, не пустила – и не надо!..
И запахи ночного сада
Вам кружат голову слегка...

Домой шагает неудачник
И что-то легкое поет.
И это значит: завтра дачник
Под вечер в ресторан придет.

Она приветствует улыбкой,
И он, согрет надеждой зыбкой,
Опять до поздней ночи ждет.
Он нервничает. Это значит,
Что отпуск на исходе. Он
Врет вдохновенно, что влюблен!..

А море у причала плачет.

* * *

Не курю — а чиркнул спичкой.
Сжался вечер, словно жгут...
Город мой расстался с кличкой,
Вспомнил, как его зовут.

А зовут его красиво,
Словно в давние года, —
То ль таинственное диво,
То ли смутная звезда.

Имя тихое, не глупо ль
Слушать музыку твою?
Мариуполь! Мариуполь!
Затоскую-запою...

ПЕСЕНКА ПОД ГИТАРУ

Кипучий мир еще мне по годам,
Многоязыкий, он – милей и ближе.
Вот полюбил полночный Амстердам,
Могу обняться с утренним Парижем.
Но я опять во сне и наяву
Души своей ничем не растрavляю:
На Итальянской улице живу,
По Итальянской улице гуляю.

Уходят дни, но плечи расправляй –
Мы будем жить, раз дожили доньне.
Опять над Рейном плачет Лорелай
И вьется тополиный пух в Берлине.
Ну что ж, что я печальником слыву!
Я радость из печалей выплавляю:
На Итальянской улице живу,
По Итальянской улице гуляю.

Кёльн

1 сентября 1996

* * *

Сергею Чупринину

Этот двор для меня опустел навсегда, опустел,
Хоть и есть в глубине, чуть прикрытой ветвями, два дома.
Но пустырь перед ними — зиянье, холодный пробел.
И стоит тишина, а она-то двору не знакома.

Двор привык, ну а я? Только сердце сожмется на миг,
Так, что крикнуть бы впору, а голоса нет, не кричится...
Да и кто, из услышавших этот неслышимый крик,
Обернется ко мне, и узнает, и не удивится?

Призрак дома встает: как живые — и стол, и буфет,
И топчан, обзывавшийся так величаво диваном,
И кровать, в которую лунный заглядывал свет...
Все отчетливо вижу, укрывшись текучим туманом,

Незабытым забвеньем, провалом реальных пустот,
Неразорванным кругом, связавшим обрывки былого...
Призрак дома уходит, призрак времени снова встает.
Да и я ли не призрак, пришедший из мира иного?

Но пока прихожу, отступает последний предел,
Ибо то, что я помню, лишь я назову и означу...
Этот двор для меня навсегда, навсегда опустел.
Вот и плачу бесслезно, и беззвучно кричу я, и плачу.

Я ЕЩЕ ПОМНЮ

Илье Фаликову

Я еще помню — мерцают с утра мостовые,
Я еще помню акации, лужи и пыль.
Бык помавает тяжелой бугристой выей,
Бочка на бричке да вечно пустая бутыль.

Я еще помню ту лошадь, зеленую фуру, —
Только появится, псы, поджимая хвосты,
Все врассыпную, а рыжий замешкался сдуру,
Но успеваешь со мною сбежать на пустырь.

Я еще помню тот приторный вкус газировки,
И на губах от шелковицы сладкой следы,
Наши налеты — с налетом индейской сноровки —
На запыленные в двориках старых сады.

Я еще помню: стучит инвалид деревяшкой,
Чистильщик, помню, сидел на углу, у крыльца.
Бывший моряк с ослепительной медною бляшкой,
Бляшку запомнил, да вот не запомнил лица.

Я еще помню: летают гудки заводские,
Копоть садится на выстиранное белье.
Я еще помню веселые толпы людские,
Майский оркестр, потрясающий наше жилье.

Я еще помню таранок веселые связки,
Запах соленый и в окна влетающий мяч,
Помню из тыквы – с горящими свечками – маски,
Переполох и девчонок испуганных плач.

Я еще помню: в восторг приводила безделка.
Я еще помню густую траву до колен
И погорелку – какая была погорелка! –
Где каждый день брали «немцев» мы толпами в плен.

Помню, в калитку стучала цыганка упрямо,
Помню я звон этих бус, и монист, и колец.
Помню, отцу улыбается ласково мама,
Помню, как ласково ей улыбался отец.

Я еще помню, но все это перемешалось.
Все это было, и я это помню, и все ж –
Сердце сжимает такая тоскливая жалость,
Все это было, да только уже не вернешь.

Я еще помню, и памяти той не отрину,
Схлынут слова, или негде мне будет их взять...
Только успеть рассказать обо всем этом сыну,
Да не забыть бы, да только б успеть рассказать.

1984

* * *

И вспомнил я смущенных и нескладных
(Ах, юность тем богата, что бедна!),
Тех мальчиков и девочек в парадных —
Смешные поцелуи допоздна.

Они теперь, конечно, постарели,
Уже не помнят вечеров своих.
У них теперь уютные постели,
И шум в подъезде не пугает их.

Но приключений перечень минутных
Ни радостью, ни болью не дарил...
А вспомнились мне двое бесприютных,
Подъездный тусклый свет их озарил.

Как в юности, им ничего не надо,
И детским счастьем счастлива душа.
О, как она глядит влюбленным взглядом!
Как девочка, нежна и хороша!

И с улицы не долетают звуки,
И не пугает их морозный дым.
Как трепетно он ей целует руки,
Как счастлив обожанием немым!..

* * *

Но как просилась ты в силки
Наперекор своей природе...
Я научил тебя свободе,
И – взмахи крыл твоих легки.

Лети, неласковая птица,
И падай в медленную высь.
Не оглянись: все повторится.
Не повторится! Оглянись!

И – плавная – по повороту –
Истаиваешь ты во мгле.
Я научил тебя полету.
А сам остался на земле.

1985

СОДЕРЖАНИЕ

СНЕГ В КЁЛЬНЕ

«Пускай еще не раз приснится...»	3
«Посмотришь на небо: до самого края...»	5
Мотив Шагала	6
Август	8
1 марта 1999	10
«Рановато для бабьего лета...»	11
Стихотворенье для чтения вслух	12
«В Кёльне снег. Он осел на деревьях...»	16
«Зима отошла, отдымилась...»	17
«Ах, этот отблеск полужизни алый...»	18
«Упаду в тебя, как в злую воду...»	19
«С чего-то Рейн с Москвой-рекою спутал...»	20
Mentel-Park	21
Austin City Saloon	22
Зеленые пространства	23
На мотив Аллена Тейта	24
Нью-Йорк в ритме джаза	25
Фазтонщик-мексиканец	27
Перед отъездом	28
Размышления по поводу	29
«Перепуталось все на свете...»	31
«Ну что же ты, праведник, – выжил, как будто усоп...» ...	32
«Каждой твари в ковчеге по паре...»	33
«Что за повадка лисья...»	34
«Баржа, куда-то в никуда...»	35
«В Тбилиси, Мариуполе, Москве...»	36
«Ветер шалый, ветер грубый...»	39

Брейгель. Икар	40
«Омерзительна тоска! Вот берет за горло туго...»	41
«Так вот оно, дыхание угара...»	42
Романс	43
«Как всегда, в который раз опаздывая...»	44
«Мир весенний льдом не скован...»	46
«Мелкий дождь, стекающий за ворот...»	49
«Слякоть осенняя слякотью и обернулась...»	50
«Взгляни в окно устало, когда наступит слом...»	51
«Смеясь, на опустевший пьедестал...»	52
«Я вернулся в свой город – и дальше по тексту любому...»	54
В гостях	55
1. Город	55
2. Деревня	56
«Я согласен назвать ностальгией...»	58

ОТ ОБОЯНИ ДО ЧЕРНИ

«От Обояни до Черни...»	59
«Хранятся в памяти моей...»	60
Турово	61
Над Стрелкой	62
Ночной Ростов	63
Белая ночь. 1982	64
«И начинается прощанье...»	65
«Когда душа, как ветру роща...»	66
«Ночного ветра свист и вой...»	67
«За окнами, поникшие по-птичьи...»	68
Терпкий дым	69
Холмы пустынь	71

«О Господи, бредущий среди камней...»	74
«Открылась горящая бездна...»	75
«Что мы в сердце уносим?...»	76
Внимание – опасность	77
Воспоминание о кинолектории	78
Итог	79
Будничная песнь в декабре 1991	80
«Рассвет, набравшись храбрости, приник...»	82
Уроки истории	83
Оглухнув	85
«Пламенем горячечным объятый...»	86
«Буксир на реке завывает...»	87
Сны и дни	88
«Молчи, моя любимая, молчи...»	90
Автобусная экскурсия	91
Стихи о Музе	93
«Наступила пора снегопада...»	95
Ритмический рисунок	96
«Ты – чистая и нежная...»	98

РОДНЫЕ СУМЕРКИ

Ночная гонка	99
«Там начиналось утро с поездов...»	100
«Вагон стучит вагону вслед...»	101
«Этой каплей пылающей крови...»	102
«И вещи, как будто сны...»	103
«Вернусь к осеннему Телави...»	104
Из цикла «Художник»	105
1. Ночь на Куре	105
2. Дворник	106

Дравич в Тбилиси. 1975	107
Памяти друга	108
Владелец шарманки	109
Воспоминание. Июнь 1975	110
«Серебряные переулки...»	112
«Не знаю, что нашел и потерял...»	113
«В Батуми осеннем так мало заезжих людей...»	114
Памяти Мориса Поцхишвили	115
Абхазская баллада	116
«Жизнь докатится до предела...»	117
«И мгла над колокольнями седыми...»	118
«Деревья в сумерках потонут...»	119
После землетрясения	120
«Все – Тбилиси, Тбилиси, Тбилиси!...»	121
«Неужто сюда...»	122
Храм Баграта	124

ПО ЧАБРЕЦУ ДА КОВЫЛЮ

«Он бежит, словно маленький греческий бог...»	129
«Откуда-откуда, куда я бегу?...»	130
«Киммерийцы, скифы, сарматы...»	131
Степной хутор	132
«Певучий воск расплавлен всюду...»	133
Дождь в переулке	134
«Недаром вздрагивает румпель...»	135
Белосарайка	136
Мариупольская слободка	137
Сестра	138
Баллада о встрече	139
«Если идут мои ноги...»	140

«Жил по соседству маленький портной...»	141
Если выйти из калитки	142
Простая история	144
Курортная повесть	146
«Не курю – а чиркнул спичкой...»	148
Песенка под гитару	149
«Этот двор для меня опустел навсегда, опустел...» ...	150
Я еще помню	151
«И вспомнил я смущенных и нескладных...»	153
«Но как просилась ты в силки...»	154

Даниил Соломонович ЧКОНИЯ

МЕДЛЕННЫЕ ХОЛМЫ

Стихотворения

Редактор

Б.Н. Романов

Художественный редактор

В.Н. Сергутин

Компьютерная верстка

А.Б. Метелкин

Издательская лицензия ЛР № 071855 от 30.04.99

Подписано в печать 07.02.2002. Формат 70x100/32.

Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 461

Издательство «Новый Ключ».

115598, Москва, а/я 16.

Тел.: 329-22-69, 916-88-94

Даниил Чкония родился 19 февраля 1946 года в Порт-Артуре (тогда – Квантунский полуостров), вырос в Мариуполе, жил в Тбилиси, с 1975 года – в Москве. В Кёльне живет с 1996 года.

В 1973 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Член Союза писателей с 1976 года.

В его переводах на русский язык издано более двух десятков книг поэтов и прозаиков Грузии и Северного Кавказа. Стихи, статьи, переводы Д. Чкония публиковались в «Литературной газете», «Юности», «Дружбе народов», «Октябре», «Москве», «Литературной Грузии», «Дне поэзии» и во многих других изданиях. Отдельные его стихи переведены на английский, польский, венгерский, грузинский и другие языки.

Книги стихов Даниила Чкония:

Звук осторожный. *Вступительное слово А. Цыбулевского.* Тбилиси, «Мерани». 1976

Подводный камень. Москва, «Советский писатель». 1986

Слободка. Мариуполь. *Предисловие Ф. Искандера.* Москва, «Советский писатель». 1990

Перед паузой. Кёльн–Москва, ОАО «Тип. Новости». 1997

ISBN 5-7082-0200-9

9 785708 202000

Новый Ключ